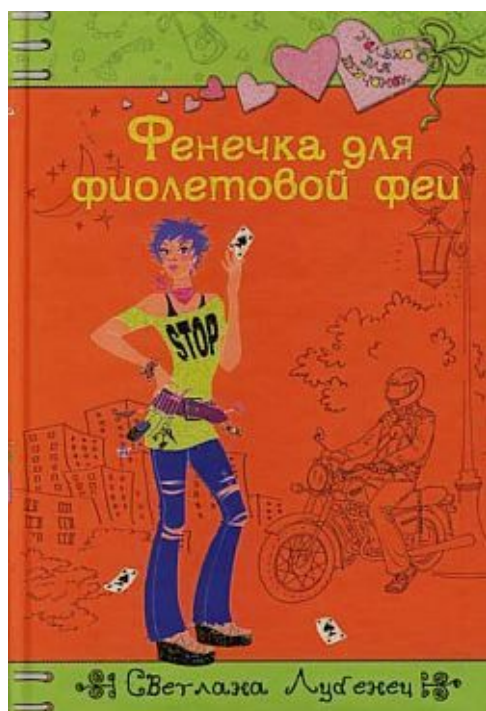

Светлана Лубенец
Фенечка для фиолетовой феи
Серия «Только для девчонок»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163993
Фенечка для фиолетовой феи: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-21610-9*

Аннотация

Больше всего на свете Ксения Золотарева, или Ксю, как она себя называла, ценила свою непохожесть на других. Ее семья переезжает на новую квартиру, и девчонка идет в новую школу. А там все, на взгляд Ксю, такие одинаковые, обыкновенные, прилизанные... Но Ксю не хочет быть, как все! Новый класс не принимает ее, даже объявляет бойкот. Но что Ксении Золотаревой до этого? Ведь у нее есть друг – настоящий, единственный... Это Ночной Мотоциклист, чье лицо всегда закрыто защитным стеклом шлема. Для их встреч Мотоциклист и Ксю придумали секретный сигнал – если девочка хотела встретиться со своим таинственным другом, она выставляла на окно горшок с бегонией. И вскоре покой тихой улицы разрушал рев мотора – Ночной Мотоциклист мчался на свидание к своей подружке!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	5
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Светлана Лубенец

Фенечка для фиолетовой феи

Глава 1

Мотоцикл не роскошь

Конечно, у него был не навороченный байк, а всего лишь старенький мотоцикл «Иж», который ему наконец-то отдали в полное владение. Мотоцикл долгое время ржавел на даче, поскольку отец давно уже подарил свое сердце бежевой «Ниве». Конечно, «Нива» – это вам не «Мерседес» или «Ауди», но для дачных дорог с ухабами и рытвинами – самое то.

Вместе с отцом они привели «Иж» в порядок: вычистили его, смазали, где надо, заменили кое-какие мелкие детали, а также руль, седло и багажник. Уже без отца, совершенно самостоятельно, он выкрасил мотик черной эмалью из баллончика, а на баке с двух сторон красной краской через трафарет сделал рисунки летучей мыши. Старший брат на день рождения подарил ему клевый мотоциклетный шлем – фирменный, с темным тонированным стеклом, а двоюродная сеструха помогла специальным степлером насажать на старую кожаную куртку металлические заклепки. Мама долго ругалась, поскольку считала, что они с Веркой испортили еще вполне годную для носки вещь, но потом вынуждена была смириться. Конечно, куда денешься: теперь ведь на куртке останутся дырки, если заклепки снять.

Мама вообще была недовольна всеми: и отцом, и братом, и Веркой, и, главное, конечно, мотоциклом. Она кричала, что мальчик еще несовершеннолетний, что у него нет прав и что на дорогах его непременно собьют оголтелые «новые русские» на своих «шестисотых». На это отец отвечал ей, что права сын непременно получит в свое время, а ездить пока будет только по их дачному поселку. Он считал, что на их разбитую дорогу хозяин «мерса» свернет только в состоянии крайнего расстройства нервной системы, чего у них, у «новых русских»-то, ввиду наличия большого количества денег, никогда не бывает. Последним отец выдвинул такой аргумент: заниматься мотоциклом в сто раз лучше, чем сидеть на чердаке у бабки Старостиной и вместе с другими неприкаянными парнями курить какую-нибудь гадость.

На подобное заявление мама не смогла сразу ничего ответить и временно замолчала, обдумывая новое контрнаступление. И поскольку вышеназванное мамино обдумывание несколько затянулось, сын, заправив узкие черные джинсы в высокие шнурованные ботинки, каждый вечер отправлялся на своем мотоцикле гонять по поселковой дороге. Иногда он уезжал и гораздо дальше поселка, но родители, к счастью, пока об этих дальних его вояжах не догадывались.

Глава 2

Фиолетовая Фея, Овца Долли и другие

Ксения нехотя собиралась в школу. Угрозило же родителей поменять квартиру на другую именно в этот район! Тут все какие-то недоделанные. А как ее вчера в классе рассматривали... будто она какое-то насекомое! Конечно, сами они не такие: приглаженные, одинаково причесанные... ну просто клонированные овцы. Особенно противной показалась одна девчонка в белых кудряшках, у которой аж губки скривились на сторону, когда она увидела фиолетовую стрижку Ксении. Вылитая овца! Точно! Пожалуй, эту, в кудряшках, стоит звать Овцой Долли. Ксения тихо рассмеялась.

А классная руководительница! Как ее там зовут? Инесса Аркадьевна, что ли? Или не Аркадьевна... Она тоже прицепилась к фиолетовым волосам: убрать! состричь! перекрасить! Похоже, эта Инесса умеет говорить только восклицательными предложениями с глаголами в повелительном наклонении. Но это ей не поможет, Ксения не станет ни стричься, ни перекрашиваться. Она имеет право ходить с волосами любого цвета, поскольку на учебе это никак не отражается. Ксения так и сказала об этом классной даме, ткнув ей в нос свой прошлогодний дневник, где, кроме пятенок и четверок, других отметок не значилось. Но Инесса все равно продолжала восклицать: сменить цвет волос на менее вызывающий!

А потом она сменила тему: стереть с ногтей черный лак! Ксения посмотрела на свои ногти. Лак начал шелушиться, и если бы не Инесса, она, пожалуй, и сама бы его стерла, но теперь... Ни за что! Ксения достала с полочки свой любимый ядовито-зеленый лак и на облупленные места насажала яркие фосфоресцирующие пятна. Вот теперь Инесса наверняка свалится со своих тонкокаблучных копытец!

А как она вчера вздрогнула, когда Ксения представилась классу:

– Золотарева Ксю.

– Как-как? – переспросила Инесса.

– Ксю, – повторила Ксения.

Инесса пожевала губами и, будто обращаясь к душевно больной, с присюсюкиванием спросила:

– Может быть, ты разрешишь называть тебя Ксюшей?

– Нет! Не разрешаю! – жестко ответила Ксения любимыми классной руководительницей восклицательными предложениями. – Или Ксю, или Ксенией! Никаких Ксюш! Мне не пять лет и даже не десять!

По классу прокатился ропот удивления пополам с недовольством. Ну и что? Какое ей до них дело? Она с независимым видом прошла на своих огромных платформах на указанное место. Когда она села на стул, то разрез длинной узкой юбки разъехался в стороны до самого бедра. Инесса этого видеть не могла, зато парень, сидящий на другом ряду против Ксении, покраснел, отвел глаза и в ее сторону больше не смотрел. Ой-ей-ей! Какие мы нежные! Какие целомудренные! Можно подумать, телик не смотрит или журнальных обложек в киосках не видел! У Ксении, между прочим, все при всем: и ноги длинные, красивые, и ничего лишнего она в разрезе не демонстрирует. С чувством меры у нее все в порядке.

С ее экспериментами с внешностью даже родители смирились. Правда, когда Ксения выкрасила волосы фиолетовой краской, мама тоже возмущалась, так что пришлось долго доказывать ей, что это идеальный дополнительный цвет к зеленоватым глазам и к любимому зеленому свитеру. Убедить маму, похоже, не удалось, но от Ксении она все же отстала. Махнула рукой, как она говорила.

Ксения запихнула в рюкзачок последний учебник и отправилась в школу. В вестибюле в качестве дежурного администратора учащихся встречала директор школы Алевтина Николаевна. Она поманила Ксению к себе, отвела к окну и, положив руку ей на плечо, сказала:

– Мне не хотелось бы тебя огорчать, но твоя одежда и макияж выглядят слишком вызывающе.

Ксения, поежившись, стряхнула с себя руку директрисы и напомнила ей:

– Школьную форму отменили уже лет десять назад.

– Ты права, – вынуждена была признать директриса, – но существуют определенные нормы. Рабочая одежда, а в школе вы именно работаете, должна отличаться от той, в которой ходят на пляж или на дискотеку.

– Что вы, что вы! – Ксения невинно захлопала зелеными ресницами. – На дискотеку я одеваюсь абсолютно по-другому!

Она надеялась, что директриса завизжит от злости, над чем можно будет и посмеяться, но та оказалась человеком других правил.

– Понятно, – сказала она, подхватив тон Ксении. – Вероятно, ты ходишь на дискотеку в пионерской форме. Это похвально, но все же завтра прошу тебя заменить зеленую тушь для глаз на черную или коричневую, топик – на рубашку или блузку, закрывающую живот, а брюки – на другие, нейтрального цвета. О волосах мы уже говорили, повторяться не будем, а вот помаду, пожалуй, тоже стоит отметить. У тебя в ней такой вид, будто ты сейчас вгрызешься мне в шею. Я запрещаю тебе пугать младшеклассников!

Закончив свою речь, Алевтина Николаевна вернулась на покинутый пост. Ксения стояла в состоянии некоторого замешательства. Да... Так с ней еще никто не разговаривал! Что ж, приятно встретить достойного собеседника. Но даже директорская ядовитость не заставит Ксению изменить себе.

Когда она вошла в кабинет географии, новые одноклассники встретили ее настороженным молчанием. Под взглядами двух десятков пар глаз она гордо прошествовала к своему месту. Сесть на стул она не успела, потому что парень, сидящий сзади, сощурившись, остановил ее вопросом:

– В пупок не дует?

– Закаленный! – мгновенно отреагировала Ксения и, кивком показав на его махровую толстовку, спросила: – А ты не потеешь?

Кто-то в классе коротко хихикнул, и снова воцарилась напряженная тишина.

– А я временами проветриваю, – не смутился парень и так рванул «молнию» на груди, что она тоненько взвизгнула.

– Ой, посмотрите, – нараспев проговорила та самая девчонка, которую Ксения про себя окрестила Овцой Долли. – Сейчас Германович нам стриптиз организует. Ты бы вышел, Стасик, из-за стола, а то плохо видно!

– Тебе, Брошка, смотреть нельзя: ты очень впечатлительная, – весело посматривая на Долли, отозвался тот, кого называли Стасиком Германовичем. – Влюбишься – за уши не оттащишь!

Одноклассники облегченно рассмеялись, напряжение ослабло, а Овца Долли села на свое место, бросив Германовичу через плечо:

– Гляди, как бы тебя оттаскивать не пришлось!

Ксения тоже опустила на стул. А Германович, кажется, ничего. Веселый и не злой. Только вот имя... Стасик... Не имя, а пирожное со взбитыми сливками... Интересно, почему Овцу называют Брошкой? Может быть, из-за волос? Под лучами солнца, бьющего в окно, ее кудряшки блестели и отливали платиной. Пусть они себе блестят хоть бриллиантами, но для Ксении эта девчонка навсегда останется Овцой Долли.

Ксения почувствовала взгляд сбоку и повернула голову. Парень, который вчера жутко покраснел при виде ее разреза, поспешно отвел глаза. Ксения тихо, но так, чтобы он слышал, пробубнила:

– Прости, но сегодня я в брюках.

Она нагнулась над рюкзаком и поняла, что вообще-то промахнулась: короткий ядовито-розовый эластичный топик самым коварным образом полез вверх. Еще немного, и Германович будет иметь счастье видеть, какое на ней белье. Ксения резко выпрямилась. Придется весь день сидеть с железной спиной. Удовольствие, прямо скажем, ниже среднего. Ладно. Придется потерпеть. Завтра она вместо топика и бирюзовых брюк наденет облегающую блузочку кислотного оранжевого цвета и, пожалуй, опять ту юбку с разрезом. Пусть парнишка порадуется. Она бросила взгляд на соседа справа. Он взгляд почувствовал, потому что лицо его мгновенно сделалось багровым. Ксения подождала, пока багровость с его лица доползет до шеи, презрительно хмыкнула, отвернулась и придвинула к себе учебник географии.

После уроков по дороге к дому ее догнал Германович и пошел рядом. Некоторое время они молчали, потом он сказал:

– Мне кажется, на твоей голове не хватает ирокеза.

– Да? – Ксения, не ожидавшая такого заявления, слегка опешила.

– Ага! Я прямо вижу его – фиолетовый гребень ото лба к затылку. Тебе пойдет.

– Ну что ты! – пришла в себя Ксения. – Это же вчерашний день! Я, знаешь, обдумываю другой вариант: может быть, остричься наголо? Как ты думаешь?

– Полностью одобряю! – Германович показал вытянутый вверх большой палец. – А вообще-то... ты откуда взялась такая?

– Какая?

– Ну, такая... экстремальная. – Германович широко и обезоруживающе улыбнулся. И Ксения, которая уже готова была сказать ему какую-нибудь гадость, резко расхотела это делать.

– Вообще-то мы переехали из другого района, – улыбнулась она в ответ.

– А в том, вашем, районе все такие... фиолетовые?

– У нас там всякие, – почему-то вдруг обиделась Ксения. – А вот Стасиков, – она нарочно просюсюкала его имя, – не наблюдалось.

– Стасик – это для избранных, – резко затормозил Германович, оглядывая ее снизу доверху, – а для тебя я – Стас или Станислав Сергеевич! Сечешь? – И, не дожидаясь ответа, он пошел в противоположную от нее сторону.

Ксения поморщилась. Пожалуй, она переборщила. Германович ей понравился. И чего ее понесло? Может, в самом деле обриться наголо? Вот Станислав Сергеевич вздрогнет!

С порога, не сняв обуви, мама тоже запела песнь про фиолетовые волосы:

– Ксения, хватит нас срамить! Я прямо не знала, что сказать вашей директрисе. Со стыда с тобой сгоришь, честное слово!

– Ты что, ходила в школу? – изумилась Ксения.

– Я не ходила в школу. Зато я приходила на обед. Лучше бы не приходила... – Мама наконец переобулась в тапочки. – Звонила Алевтина Николаевна и очень просила разобратся с твоей головой.

– Разбирайся! – Ксения, дурачась, стала на колени и склонила шею перед мамой. – Руби!

– Мне не до шуток! – рассвирепела мама. – Я уже устала отвечать на вопросы знакомых, почему моя дочь ходит, как кикимора с детского утренника. По-моему, они считают, что у тебя не все дома.

– Вот видишь! Скоро и Алевтина Николаевна будет того же мнения и от тебя отстанет.

– Ксения! Мне стыдно! – Мама перехватила другой рукой хозяйственную сумку, которую на нервной почве забыла отнести на кухню. Из объемистого нутра сумки торчали две желтые куриные ноги со скрюченными когтистыми пальцами. – Я обещала директору, что ты перекрасишься в нормальный цвет.

– Мапочка! – Ксения вскочила с колен. – Мой взгляд, например, оскорбляет средневековый костюм Алевтины Николаевны в такую... жуткую клеточку... Я же ничего, терплю. Почему я в угоду ей должна перекрашивать волосы?

– Потому что у людей не бывает фиолетовых волос! У них от природы другой цвет, понятно?

– Да? А разве от природы у людей бывают сиреневые губы? Зачем ты их красишь в такой странный цвет?

– Ксения! Мне уже за сорок. Я – взрослый человек, в конце концов!

Раздраженная мама ходила взад и вперед по комнате, угрожающе размахивая сумкой с курицей. Желтые ноги по-прежнему жалко кривили пальцы с синеватыми когтями.

– И почему это вам, взрослым, все можно? Кто так распределил? Кому мешают мои волосы?

– Знаешь что... – Мама перестала метаться и села на диван, как в вагоне метро, поставив сумку себе на колени. Куриные когти царапали ее вздымающуюся в волнении грудь. – Существуют определенные нормы поведения. Ты же не пойдешь по улице голой, хотя это никому не помешает.

Ксения задумалась, потом вытащила из маминой сумки пакет с когтистой птицей и заявила:

– Так и знай. Я не стану перекрашиваться. Ни за что! Твоя директриса, конечно, может попытаться выгнать меня из школы, но я тогда... пожалуюсь в ООН на ущемление моих прав. Ясно?

– Ну нет! Хватит! – Мама вырвала из рук дочери птицу прямо за желтые ноги. – Или ты перекрашиваешься, или...

– Что «или»?

– Или... – мама беспомощно хватала ртом воздух, – или... я не хочу тебя знать!

И тогда Ксения резко развернулась, схватила со стула свитер и выбежала из квартиры. Из ослабевших рук мамы с противным чмоком упала на пол несчастная кура, единственный молчаливый свидетель их разговора. Из-под ее закрытого сморщенного века выкатилась мутная размороженная слеза.

Глава 3

Ужас, Летящий На Крыльях Ночи

На улице было прохладно и темно. Ксения шла по тротуару и продолжала мысленно спорить то с мамой, то с директрисой. Потом она вспомнила Темку, своего приятеля по старой школе. Он отрастил густые пепельные волосы почти до пояса, и никто ничего против этого не мог сделать. Единственная уступка взрослым, на которую он пошел, состояла в том, что в школе он перетягивал волосы резинкой в хвост. Кроме невозможной для восьмиклассника прически, Темка еще и весьма неординарно для средней школы одевался. Его черные джинсы были сплошь перечеркнуты специально, с большим искусством выполненными горизонтальными прорезами. При этом длинные ноги молодого человека напоминали два ствола березы в негативном изображении, а именно: белые неровные полосы на черном фоне. Прорезы Темка небрежно скалывал большими английскими булавками и никак не реагировал на едкие замечания противников его стиля, что он как-нибудь чего-нибудь себе такое уколёт, о чем потом всю оставшуюся жизнь будет долго и слезно жалеть. Джинсовая куртка Темки была украшена разноцветными надписями на непонятном языке, выполненными необыкновенно ядовитыми маркерами. Вместо школьной сумки или рюкзака он носил учебники и тетради в холщовой суме на длинной, плетённой косичкой лямке. Ребята за эту суму на лямке через плечо называли его бурлаком, с внешним видом коих они ознакомились на литературе, изучая бессмертное творчество поэта Некрасова Н.А. Глядя на Темку, Ксения и выкрасилась в фиолетовый цвет. Она не была влюблена в него, но ей очень хотелось понравиться ему, стать Темке другом, а для этого надо было как-то соответствовать ему. Темка фиолетовость Ксении мгновенно оценил, взял ее в свои оруженосцы и в короткое время научил быть абсолютно независимой от взглядов и мнений окружающих, то есть от серой толпы. Темка очень огорчился, когда узнал, что Ксения переезжает на другой конец города. Он подарил ей на прощание кожаный браслет с бахромой, который лично изготовил из брошенной матерью старой сумки. Первое время он позванивал ей, узнавал, как дела, а потом звонки его прекратились. Ксения подумала, что он нашел другую понимающую его подругу, и не обижалась.

За размышлениями и воспоминаниями Ксения не заметила, как вышла на старую окружную дорогу. Она остановилась у фонаря возле остатков чугунного ограждения и задумалась. Что дальше делать? Придется возвращаться домой, ведь больше идти все равно некуда. Неужели придется им всем, взрослым, уступить?

Ксения совсем было собралась с силами, чтобы повернуть к дому, когда прямо перед ней тормознул мотоцикл.

– Хочешь прокачу? – спросил мотоциклист, не снимая шлема с тонированным стеклом. Ксения в испуге отшатнулась.

– Не бойся, – усмехнулся парень. – Я тебя знаю. Ты Ксения Золотарева из 9-го «В».

– Допустим... А ты кто?

– Ты не знаешь... Я из другого класса...

– Из какого?

– Это для тебя имеет значение?

– Конечно, имеет. Может, ты все врешь... Ну-ка, скажи, как зовут нашу директрису? И вообще, почему ты не снимаешь шлем?

– Нашу директрису зовут Алевтиной Николаевной, а вашу классную – Инессой Аркадьевной. И если ты хочешь... – Парень взялся рукой за свой шлем.

– Погоди, – остановила его Ксения, – не снимай. Ты прав: это не имеет значения. Так даже интереснее!

– Тогда садись... Сейчас машин здесь немного. Такую скорость разовьем – мало не покажется!

– Давай! – махнула рукой Ксения и села на мотоцикл позади парня.

– Держись крепче! – крикнул парень, и они полетели.

Мотоцикл ревел и урчал. Ветер так сильно бил в лицо, что Ксения захлебывалась и не могла дышать. Она пряталась за спину мотоциклиста, кашляла, смеялась и визжала от восторга. Мимо с бешеной скоростью проносились столбы, деревья, огни. Встречные машины действительно попадались редко. Большинство автолюбителей предпочитали новое, недавно проложенное почти рядом шоссе. У Ксении жутко замирало сердце, когда все-таки из-за спины или навстречу со скоростью, не меньшей, чем их собственная, неслись машины.

Развернувшись так круто, что Ксения чуть не вылетела из седла, мотоциклист остановил свою машину возле школы.

– Супер! – восхитилась она. – Здорово!

Мотоциклист посмотрел на нее сквозь шлем, потом опять поднял руки, чтобы его снять. И Ксения снова остановила его:

– Пожалуйста, не надо... Все так необычно! Знаешь, я буду звать тебя Ночным Мотоциклистом! Ты еще как-нибудь покатаешь меня, Ночной Мотоциклист – Ужас, Летящий На Крыльях Ночи?

– Может быть, – ответил парень, опустил руки на руль, газанул, и его мотоцикл скрылся за школой.

Поскольку Ксения, как всегда, училась ровно и хорошо, учителя во главе с директрисой очень скоро стали делать вид, будто не замечают несколько странный цвет ее волос и экстремальность одежды, в которой она ходила в школу. Но Ксения прекрасно понимала – стоит ей сделать хоть один промах, как все начнется сначала, поэтому дома занималась серьезно и много. В классе старалась держаться независимо и не обращала никакого внимания ни на прищур Германовича, ни на презрительные взгляды Овцы Долли с компанией.

Первые недели сентября стояли по-летнему теплыми, и Ксения очень огорчилась, когда пришлось все-таки доставать куртку. Однажды после уроков она по привычке выскочила на улицу раздетой. Холодный ветер через ворот и широкие рукава блузки моментально пробрался к самому телу. Ксения ойкнула, шмыгнула назад, в вестибюль, и направилась к гардеробу.

– ...И эту фиолетовую чувырлу, – услышала она конец чьей-то фразы и остановилась в дверях. Хохот и сдавленное хихиканье раздалось из-за ряда вешалок, еще заполненных куртками и плащами. – Я тебе говорю, он на нее запал. Предлагаю предпринять следующее...

Ксения узнала голос Долли, и действительно тут же прямо на нее вышла Лена Брошенкова, или, по-местному, Брошка, с курткой в руках. Она вздрогнула от неожиданности, увидев Ксению, но тут же собралась и перешла в наступление:

– Подслушиваешь? Нехорошо.

– Больно надо! Я куртку забыла. – Ксения сдернула с вешалки свою джинсовку. – А фиолетовая чувырла – это, конечно, я?

– Ну что ты! Как можно? – из-за вешалок показалась Диана Резцова. – Фиолетовая чувырла – это солистка группы «Киви». А ты у нас – Фиолетовая Фея. Фиолет – суперкласс!

– А-а-а! – отозвалась Ксения. – Тогда совсем другое дело! – Она усмехнулась и пошла к выходу.

Что эти две курицы задумали? Конечно, они говорили о ней, нет никакого сомнения. Что же они собираются предпринять, зачем и, главное, когда? Что там Брошенкова говорила?

Кто-то на кого-то запал... Может, все-таки не про нее? Она не замечала, чтобы на нее кто-то западал. Хотелось бы, конечно... Но Германович, похоже, не может простить ей «пирожное со взбитыми сливками». Дурак! Ах да, она совсем забыла, что есть еще Сережа Григорьев! Как же, как же! Сосед справа, который никак не может выдержать ее взгляда и все время отворачивает лицо. Но вряд ли Долли с Резцовой беспокоятся о Григорьеве. Какой-то он невыразительный. Ксения попыталась вспомнить, какие у Григорьева глаза, но так и не смогла. Слишком быстро он их отводит в сторону. Все-таки хорошо, что она забыла куртку. Надо быть начеку! На всякий случай...

Глава 4

«Тройка, семерка, туз...»

Хотя Ксения все время была настороже, в сети, расставленные Брошенковой и Дианой Резцовой, она все-таки попалась. Неожиданно попалась и глупо. Но она никак не ожидала подвоха именно с этой стороны. Слишком уж все начиналось естественно и непринужденно.

Однажды на перемене девчонки пугали друг друга страшными историями, которые имели обыкновение приключаться с подругами родных сестер, двоюродных братьев или какими-нибудь другими тридевятыми родственниками. Ксения терпеливо выслушала и про черную комнату, и про красные туфельки, и про белую простыню, и про отрубленную руку, и даже про кровожадную вставную челюсть. После душераздирающего повествования о ненасытной двуспальной кровати-людоедке, рассказанной Ирой Сыромятниковой, слово взяла Овца Долли:

– А вот мы этим летом в лагере ночью вызывали дух Пиковой Дамы.

– Да ну? – вскинула тонкие ниточки бровей Резцова. – И как? Неужели появилась?

– Представь себе! – качнула кудряшками Долли. – Такая жуткая: вся в черном, древняя, носатая, а в руке – зажат туз пик!

Тут уж Ксения не выдержала и расхохоталась:

– А где же она «тройку» с «семеркой» потеряла?

– Чего-чего? – не поняла Долли.

– Ну как же! – еще больше развеселилась Ксения. – Старуха должна была вам, кроме туза, еще две карты предъявить: «тройку» и «семерку». Классику забыли? Пушкина А.С.? В восьмом классе проходили!

– Думаешь, ты самая умная, да? – презрительно смерила ее взглядом Долли. – Небось увидела бы это чудище, забыла бы и про Пушкина А.С., и про Лермонтова М.Ю., и даже про родную маму!

– Не обращай на нее внимания, Ленка, – посоветовала Брошенковой Ира, поразившаяся тому, что необыкновенные истории, оказывается, могут происходить и с ее самыми близкими знакомыми. – Лучше расскажи, что эта Дама вам сказала, что сделала?

– Если бы она что-нибудь сделала, вы меня, наверно, здесь уже не увидели бы, – объяснила присутствующим Долли. – Нас девчонки научили, что предварительно, перед вызовом духа, зеркало нужно намазать сухим мылом и как следует растереть тряпкой, чтобы не было видно его следов.

– Мылом? – удивились одноклассницы. – Зачем?

– А затем, что мыло – это защитный экран. Ну... чтобы Пиковая Дама из зеркала не вышла и не передушила бы нас всех.

– Лен! А туз-то зачем? – почему-то шепотом спросила Ира.

– Она его на месте преступления оставляет, если, конечно, его совершит. Чтобы все знали, чьих это рук дело.

– А зачем? – еще тише повторила вопрос Сыромятникова.

– Откуда я знаю? Может, чтобы боялись и дух ее не тревожили.

– Поскольку ты жива и невредима, я догадываюсь, что Дама из зеркала так и не вышла, – опять вступила в разговор Ксения.

– Естественно, – процедила Брошенкова.

– Так, может, это вовсе и не Дама была?

– А кто же?

– Ну... кто-нибудь из вас... отразился...

– А-а-а! Шутить изволишь? Или издеваешься? – Долли прищурилась, почти как Германович.

– Всего понемножку, потому что не пойму, в чем фишка была? Вызвали старуху, посмотрели на нее – и все? – продолжала иронично улыбаться Ксения.

– Нет, конечно. Мы ей вопросы задавали, а она нам отвечала.

– И как вы с ней связь держали? По мобильнику или через пейджер? Или, может быть, Интернет уже и на тот свет провели?

– Представь себе – через обыкновенный лист бумаги! – У Долли от злости на Ксению даже сбились на один бок обычно очень симметрично распределенные кудряшки.

– Это как же? – не могла не встрять в разговор еле сдерживающая любопытство Сыромятникова.

– Ее ответы, Ирка, сами на листе проявились в виде самых обыкновенных предложений.

– Не может быть. – Ире стало так страшно, что она на всякий случай отодвинулась от Долли подальше, будто та могла невзначай обернуться страшной старухой. Потом придвинулась снова, чтобы свистящим шепотом уточнить: – И что она вам написала?

– Не стану же я тебе, Сыромятникова, чужие тайны выдавать! Да и свои тоже не хочется. Но ты уж поверь, о пустяках Даму не спрашивают, и ответы у нее – соответственные.

– А почерк? – не отставала Ирка. – Какой у нее почерк? Как у Пушкина? С завитками? С росчерками?

– С какими еще завитками? – отмахнулась от нее Долли. – Почерк как почерк... Честно говоря, я и не помню, какой у нее почерк... Я же говорю, что все это так жутко было, что не до почерка нам стало.

– Это все, Ирочка, – небрежно заметила Ксения, – мифы и легенды подросткового оздоровительного лагеря. Я тебе советую не принимать их так близко к сердцу.

– Мифы, считаешь? Легенды? – бок о бок с Леной встала Диана. – А не слабо тебе будет, Золотарева, повторить эксперимент?

– Какой именно? – на всякий случай спросила Ксения, хотя уже поняла, что попалась. Наверняка весь разговор был затеян только для того, чтобы свести дело к такому вот концу.

– Давай вместе с нами вызовем дух Пиковой Дамы! Глядишь, ты и развенчаешь мифы окончательно или навсегда в них поверишь.

– Где? – односложно спросила Ксения, поскольку отступить было некуда. Если сейчас она скажет, что не верит во всякую белиберду, они решат, что она трусила.

– Подумать надо, – ответила Резцова. – Вызывать ведь ночью придется.

– Вы с ума сошли, девчонки! – всплеснула руками Ира. – Это ж так страшно! Вдруг она из зеркала выйдет?

– Так мы мылом его натрем, верно, Брошка? – подмигнула Диана Лене.

Та собралась что-то сказать, но тут снова вклинилась неугомонная Сыромятникова:

– А вдруг мыло не сработает? Помрете ни за что!

– Не помрем, – снисходительно потрепала ее по плечу Долли. – В лагере же не померли.

– Лен! – не отставала Ира. – А как ее обратно...

– Чего обратно?

– Ну... чтобы она ушла... в зеркало... обратно... Что надо сделать?

– Это очень просто: на зеркало надо темную тряпку накинуть, затушить свечи и свет включить.

– А... не может она где-нибудь спрятаться и остаться... в нашем мире? – не давала Долли покоя Ира.

Ксения опять не выдержала и рассмеялась:

– Может, конечно! Разве ты не чувствуешь, что она в нашу историчку вселилась?

Расхохотались все: и Диана, и Долли, и даже вконец перепуганная Ира Сыромятникова. Они вдруг осознали, что историчка действительно похожа на описанную Брошенковой Пиковую Даму: и постоянным черным платьем, и вызывающей жалость старостью, и вызывающей всеобщую ненависть свирепостью. Смех разрядил обстановку, и Ксения подумала, что напрасно заподозрила Долли с Резцовой в преступных намерениях. Они самые обыкновенные девчонки.

Глава 5

Цветет бегония на окне...

Он был потрясен ею. Фиолетовые волосы и пятнистые ногти – ерунда! Это не главное. Главное – то, что скрывается внутри, под всей этой необычной внешностью! Главное – сама Ксения: порывистая, независимая, бесстрашная, ироничная. Она совершенно не похожа на всех девчонок, которых он знал раньше. Она по-прежнему думает, что он учится в параллельном классе. Он видел, как она исподтишка разглядывает парней из других девятых. А он – совсем рядом, руку только протяни.

Ксения так ни разу больше и не попросила, чтобы он снял шлем. Он теперь и сам этого не хочет... вернее, не может... Она слишком многое ему рассказала из того, чего не должен знать одноклассник. Почему она ему так верит? Почему не боится, что он ее предаст? Он-то, конечно, не предаст... У него замирает сердце, когда она, крепко обнимая его за пояс, прижимается щекой к его спине, прячась от встречного ветра. Он никогда не слезал бы с мотоцикла, только бы она сидела рядом.

Они гоняли по окружной дороге, по темным улицам их района. Она за его спиной что-то весело выкрикивала, смеялась и даже пела. Он говорил мало. Во-первых, не хотел, чтобы Ксения вслушивалась в его голос, во-вторых, чувствовал, что ей надо выговориться. Ведь в классе она была одинока, девчонки ее не приняли и, наверное, думали, что это ее не волнует. Но он-то теперь знал, как Ксения тяжело переживает свое одиночество.

Она давала девчонкам убийственные характеристики. Он теперь всегда улыбался, когда смотрел на Брошку. Овца Долли! Смешно! Лена Брошенкова действительно похожа на чистенькую завитую овечку с носиком пуговкой и розовыми ушками, круглыми, как скрученные бараньи рожки. А Дианку она называет Охотницей. Резцова ему нравилась... до тех пор, пока не появилась Ксения, но он не замечал, как точно Диана соответствует своим имени и фамилии. Она была стройной, высокой, грациозной, с гривой развевающихся белокурых волос, с настороженным взглядом и резкими, властными движениями. Настоящая богиня-охотница, ей бы лук со стрелами! Ира Сыромятникова прозывалась у Ксении Глазированной Сырком. И это было не просто производное от фамилии. Ирины юркие карие глазки действительно напоминали две изюминки на сдобном круглом лице, которое сверху венчала глазурью темно-каштановая челка.

Парней их 9-го «В» Ксения тоже наделила веселыми кличками. Он очень удивился, услышав свою, и решил, что на счет него она все-таки здорово ошибается: не раскусила. Однажды она спросила, хорошо ли он знает Германовича. Ему повезло, что за тонированным стеклом Ксения не видела его лица. Дрогнувшим голосом он ответил, что Германовича знает хорошо и что он кажется ему неплохим парнем. Потом он набрался сил и спросил:

– А что... Германович... тебе нравится? – и очень удивился, что она не ушла от ответа.

– Пожалуй, да... Только он, кажется, на меня здорово обиделся. Ты же знаешь, меня иногда подводит длинный язык: несу все подряд и не могу вовремя остановиться.

– Хочешь, он об этом узнает? – осторожно спросил он.

Она отрицательно покачала головой.

– Почему?

– Потому что все должно идти своим чередом, понимаешь? Надо, чтобы он сам... а не потому, что кто-то ему на что-то намекнул.

Он опять удивился тому, что Ксения ему так верит. Хотя она ведь не знает, что он... А может быть, все-таки догадывается? Может быть, специально все и говорит, чтобы... Нет! Похоже, ее здорово увлекла эта игра в «Ночного Мотоциклиста». Ей нравится таинствен-

ность и то, что, не видя его лица, она может запросто рассказывать ему обо всем, как чужому человеку. Говорят же, что с чужим легче делиться сокровенным...

Ему очень хотелось надеяться, что когда-нибудь, пусть даже не очень скоро, он перестанет быть для нее чужим: он снимет шлем, а она... Она, как змея из старой шкуры, как бабочка из кокона, как Царевна-лягушка из лягушачьей кожи, выберется из своих экстремальных шмоток кислотного колера и наденет простое платье. Да, пожалуй, даже не джинсы... Ему хотелось бы видеть ее в платье и с волосами, льющимися на плечи. Интересно, какого цвета ее волосы? Он называл ее Ксю – так ей хотелось, но мечтал как-нибудь выговорить вслух ласковое и трогательное имя – Ксюша.

Через несколько дней к Ксении подошли Охотница с Долли.

– Не передумала? – как всегда резко спросила Диана.

– Нет, – опять односложно ответила Ксения. – Где? Когда?

– У Брошки дома. В ночь с пятницы на субботу.

– Почему именно так? Эта пятница случайно не тринадцатое?

– Пятница обыкновенная: девятое октября. Просто у Ленки родители уйдут в ночную смену. Никто не будет мешать.

– Во сколько приходить?

– А как сможешь. Уверена, что тебя отпустят?

– Мои проблемы. Буду без пятнадцати двенадцать, чтобы начать ровно в полночь, – бросила им Ксения и пошла в столовую.

Она взяла в буфете сок и булочку с маком, но есть не могла. Она испугалась. Не дурацкой Пиковой Дамы, конечно. Она опять испугалась девчонок. Они явно что-то задумали... да еще ночью... Как ей сейчас не хватает Ночного Мотоциклиста... А он, как назло, куда-то пропал...

Они с ним придумали условный знак, как в фильме про Штирлица. Она ставила на подоконник своей комнаты разросшуюся бегонию в белом пластиковом горшке. Обычное место бегонии было на секретере, и, когда она появлялась на окне, он понимал, что Ксения хочет его видеть. Тогда он приезжал на условленное место на окружной дороге, то самое, где они впервые встретились, у фонаря и обломков ограды, и она могла рассказать ему все. Ночной Мотоциклист был единственным человеком, который с интересом слушал Ксению. Все остальные всегда хотели говорить сами, причем как можно дольше. И вот этот ее единственный друг куда-то запропастился в самый неподходящий момент. Бегония уже несколько дней находилась на окне, Ксения по часу выстаивала на ветру у тусклого фонаря, но Мотоциклист не появлялся. Что ж! Придется ей обойтись без него. Жаль, она уже так привыкла обсуждать с ним свои дела.

Они встречались довольно часто. Наверно, можно было бы попросить его снять шлем или каким-нибудь другим способом узнать, кто он такой, но Ксении не хотелось. Так ей было удобнее. Над тем, что их встречи значили для Мотоциклиста, она старалась не задумываться.

Глава 6

Явление Пиковой Дамы

Маму Ксения уломала с трудом. Наплела ей душещипательную историю о своей новой подруге-однокласснице Лене Брошенковой, которая будто бы очень просила ее, Ксению, переночевать у нее. Что насочиняла Долли для своей мамы, Ксения не знала, поскольку из гордости не спрашивала. Но по всему было видно, что та постаралась на славу. В общем, родительницы перезвонили друг другу, и дело было улажено. Единственное, на что не согласилась мама Ксении, так это на то, чтобы она выходила из дома в двенадцатом часу ночи. Чтобы вообще не сорвать операцию, Ксении пришлось пойти к Долли в девять часов и до отбытия ее родителей на смену мучительно смотреть по видеку отвратительный фильм о собаке-оборотне. Рядом с ней на диване прямила спину Диана-Охотница и, вжавшись в угол, сидела Ирина Сыромятникова – Глазированный Сырок, которая тоже каким-то образом навязалась на это мероприятие, хотя и жутко боялась.

Как только за родителями захлопнулась дверь, девочки моментально вырубili «собаку-оборотня», которая уже нагнала на всех, кроме Иры, страху. Сыромятникова на собаку не среагировала, так как уже давно и безраздельно боялась Пиковой Дамы.

– Зря я пришла, – без конца повторяла Ира, на что Охотница наконец грубо сказала ей:

– Ну и вали отсюда! Сама ведь напросилась!

– Свалишь тут, как же! – Ира с ужасом посмотрела в непроглядную тьму за окном. – Там сейчас небось не только на Пиковую Даму напорешься, а и на Бубновую, и на Крестовую... и на Валета какого-нибудь приבלатненного...

– Тогда сядь и молчи! Включи видеку и досмотри «собаку», пока мы все приготовим.

Долли толкнула Сыромятникову в кресло, бросила ей на колени пульт, а сама попросила Диану сходить с ней вместе в ванную комнату за зеркалом, поскольку ей после фильма страшно бродить по темной квартире одной.

Ксения чувствовала, что и у нее подрагивают руки. Она уже не очень хорошо понимала, чего боится: происков девчонок или, как и Ира, Пиковой Дамы. Насмотревшись на омерзительную собаку-оборотня, можно было поверить во что угодно.

Долли принесла в комнату круглое зеркало в розовой пластиковой раме, а у Охотницы в руках была сиреневая мыльница с куском хозяйственного мыла. Невинные цвета рамы и мыльницы настолько не вязались с ожидаемым черным видением, что Ксения вдруг неожиданно успокоилась. Все это – детские игры! И чего она так испугалась?

– А почему мыло не туалетное, не душистое, а эта коричневая гадость? – зачем-то спросила Ира.

– Со своим «душистым», – передразнила ее Диана, – надо было приходиться. На-ка вот лучше натрай зеркало! – И она поставила перед Ирой мыльницу.

Та прерывисто вздохнула и начала тереть «коричневой гадостью» блестящую поверхность. Когда дело было сделано, Сыромятникова оглядела свои липкие руки и жалобно проворкотала:

– Хорошо бы помыть...

– Ну так иди и помой, – ответила Долли. – Ванная по коридору направо.

– Кто-нибудь со мной ходит? – ни на что особенно не надеясь, спросила Ира.

Ксении стало жалко ее, и она согласилась быть сопровождающим лицом в темном коридоре. В ванной, открыв кран с горячей водой и сунув под струю руки, Сыромятникова спросила:

– Слышь, Золотарева, неужели ты совсем не боишься?

– Конечно, не боюсь. Чего бояться? Подумаешь, сказки для детей младшего возраста, – ответила Ксения непослушными губами. На самом деле у нее от страха опять сводило скулы, но Сырку совершенно необязательно знать об этом. Она сняла с крючка полотенце, чтобы дать Сыромятниковой, и взвизгнула: – Ирка! Ты же сваришься! – И бросилась заворачивать кран, из которого, судя по пару, шел крутой кипяток. – Ну нельзя же так! Не приходила бы лучше, раз до такой степени боишься. Инвалидом сделаешься, а нам отвечай!

Ирка с изумлением посмотрела на свои покрасневшие от горячей воды руки и ответила, как отрубил:

– Раз пришла – значит, надо было!

Когда они вернулись в комнату, Диана заканчивала растирать мыло по зеркалу тряпкой, а Долли установила на письменном столе у стены два подсвечника с тонкими витыми свечами, оставшимися после Нового года. Между ними поставили приготовленное зеркало, а перед ним Долли положила девственно чистый лист бумаги.

– Это для ее ответов? – на всякий случай уточнила Ира, нервно потирая горевшие после кипятка руки.

– Естественно, – снисходительно буркнула Диана. – Вопросы-то хоть придумала или только посмотреть на Даму пришла?

– Придумала, – еле прошепеля дрожащая Сыромятникова. – А вы придумали?

– Давно, – отчеканила Долли и повернулась к Ксении. – А вот ты, например, Золотарева, что хочешь узнать у Пиковой Дамы?

– Я? – удивилась Ксения. Она была убеждена, что девчонки затеяли всю операцию только для того, чтобы как следует напугать ее, и ни о каких вопросах Пиковой Дамы совершенно не задумывалась. Она поставила себе цель доказать Овце с Охотницей, что ничего не боится, и теперь оказалась застигнутой врасплох. – Разве вопросы надо произносить вслух? – осторожно спросила она.

– Интересно, а как же она узнает, чего ты хочешь?

– Ну... она же... дух... Узнает как-нибудь...

– Не уверена... В лагере мы вслух спрашивали, а она нам отвечала.

– Девчонки, а руки не появятся? – выдохнула Ира.

– Какие еще руки? – Долли неприязненно посмотрела на Сыромятникову, постоянно задававшую дурацкие вопросы, на которые все время приходилось отвечать.

– Вы говорили, буквы будут появляться... Я вот все думаю – как? Рук каких-нибудь кровавых, как в той истории, что девчонки рассказывали, не будет? – продолжала терроризировать Долли дрожащая всем телом Сыромятникова.

– При чем тут руки?! – вышла из себя Брошенкова. – Неужели ты не понимаешь, бесптолковая твоя голова, что это совершенно разные истории. У Пушкина никаких кровавых рук не было! Это я точно помню. Пистолет, кажется, был... Но Германн вроде бы так и не выстрелил, а, Золотарева? Ты же у нас знаток?

– Не выстрелил, – подтвердила Ксения. – Графиня от страха и старости умерла.

– Вот видишь! – подбодрила трясущуюся Ирку Долли. – А кроме того, что всякие там руки отсутствуют в литературном первоисточнике, ты еще собственноручно зеркало мылом намазала. Сама-то подумай, как она сквозь мыло свои руки высунет? И пистолет, я думаю, тоже не пролезет.

Ксения смотрела на Овцу и понимала, что она так долго уговаривает не бояться Ирку-Сырку потому, что, похоже, уже сама начинает сомневаться, не напрасно ли все это затеяла.

– Ну, что? – Долли посмотрела на часы. – Без десяти минут двенадцать. Готовьте свои вопросы. Кто самый храбрый, тот, пожалуй, и начнет. Может, ты, Золотарева?

– Хорошо, – тихо ответила Ксения. – Значит, надо вслух задать вопрос?

– Да.

– Когда?

– Известно когда – когда Пиковая Дама появится, вот когда.

– Хорошо, – еще тише повторила Ксения.

Долли кивнула, чиркнув спичкой, зажгла свечи и торжественно провозгласила:

– Ну, все! Гаси свет, Дианка.

Охотница щелкнула выключателем, и девочки будто оказались в другой комнате, наполненной живым дрожащим полумраком. По стенам от свечей бились отсветы и тени, в углах сгустилась непроглядная ночь, а впереди таинственно золотилась бездонная гладь зеркала. Одноклассницы замерли не шевелясь.

– Давайте... поближе к столу, – прошептала Долли и сделала шаг к зеркалу. За ней осторожно двинулась Ксения, а потом и Диана с Ирой.

Ксения со все возрастающим волнением заглянула в блестящий омут. От горячего воздуха и седого дымка свечей казалось, что по нему пробегают легкие волны, будто оно дышит. В зеркале отражалась только светлая дверь в комнату. Все остальное тонуло в бархатной полутьме.

– И что теперь? – спросила Ксения, чтобы только прервать напряженное молчание и не стоять столбом перед затягивающей дышащей бездной с обычной комнатной дверью в глубине.

– Теперь надо сказать заклинание, – опять шепотом ответила Долли.

– Так скажи... Сколько можно ждать...

– Сейчас...

Ксения видела, что Овца здорово волнуется. Она шевелила губами, видимо, вспоминая текст.

– Сейчас... – повторила она. – Вот... вроде бы так:

Изменись, глубина изначальная,
Ты проснись, пробудись, гладь зеркальная,
Отразись в ней, свеча бликовая,
Ты явись нам в ночи, Дама Пиковая...

Когда отзвучали последние слова заклинания, показалось, что даже воздух замер в комнате, где в ожидании явления черной носатой старухи четыре девочки с беспокойством всматривались в зеркало. В его глубине ничего не происходило. Ксения перевела дух и только хотела сказать, мол, чего-то подобного она и ожидала, как произошло то, на что она никак не рассчитывала.

Золотое марево зеркала будто дрогнуло, медленно открылась отражающаяся в нем дверь комнаты, и в ее проеме показалось страшное носатое лицо в обрамлении косматых волос. Ксения не успела заметить, держала ли старуха в руках какую-нибудь карту, потому что все они в унисон вскрикнули, и дверь тут же захлопнулась. Долли с Дианой замерли у стола, Ира продолжала истошно вопить на одной ноте, а Ксения, преодолевая дурноту, сделала шаг к двери. Она немного задержалась у закрытой створки, потом с силой рванула ее на себя. В открывшемся проеме перед ней чернел только глубокий провал коридора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.